

Светлана Рапенкова

Просторные записки

небольшая экспедиция по большой реке летом 2011 года

«Простору на все четыре стороны много».
Русская поговорка

7 июля. Архангельск – Мезень

Из Архангельска в Мезень недавно проложили автомобильную дорогу. До этого существовал зимник. Летом попасть на берег великой реки можно было только по морю или по воздуху.

Дорога восхитила количеством пыли и поворотов. На участке от Белогорского до Пинеги мы проехали по горизонтальному серпантину — обилие поворотов и скорость маршрутки заставляли думать о вечном и не давали расслабиться. Приближаясь к Мезени, путь выровнялся и стал похож на стрелу, острие которой упиралось в широкую реку. Ехали семь часов. Пейзаж за окном несколько раз поменял цвет. Пока передвигались вдоль Северной Двины, преобладали зелено-голубые цвета, дальше всё стало желто-песочным от пыли, песка и свежевystруганных досок (в Белогорском строилась деревянная церковь). Подъезжая к Мезени, наблюдали, как багряно-лиловое солнце закатывалось за красные суглинки мезенских берегов. То ли небо красило берег толстой малярной кистью, то ли берег отражался в небесном зеркале.

К городу Мезенскому добрались уже за полночь. Ночи еще не почернели, поэтому дом мезенского священника о. Алексея долго искать не пришлось. Батюшка не спал, баня не успела остыть, легли уже под утро, усталые и довольные.

8 июля. Мезень

«Город Мезень существует с 1775 года. Число жителей, коих считается до 500 душ мужского и 650 женского пола, составляют торгующие мещане и немногие купцы. Деревянные более или менее на один построй дома видом своим согласуются с нависшими над ними северными береговыми туманами, и однообразие этих потускневших рядов строений прерывается только двумя церквями, которые, находясь на открытом месте, почти в середине Окладниковой слободы, выстроены из дерева, третья церковь находится вне города, при кладбище, а четвертая в северной слободке Кузнецовой»¹.

Мезень входит в пятерку самых маленьких городов России. Три тысячи населения и ни одного градообразующего предприятия. На первый взгляд, здесь одна улица — центральная. Собственно, на этой улице и происходит вся жизнь. Восстанавливается Свято-Богоявленский храм, переделанный в советские времена в кинотеатр и не так давно возвращенный Церкви. Администрация, библиотека, музей, гостиница, магазины. Ходишь взад-вперед, не особо напрягаясь. Хотя если дойти до Кузнецовой Слободки, а потом до другого конца, то накрутишь километров пять.

Шабунин Николай Авенирович (1866–1907) охарактеризовал родной город, как место печальное и суровое: «Очень и очень невелик наш бедный городок, так невелик, что не потребуются и двадцати минут, чтоб пройти по единственной его продольной немощенной улице, которая начинается маленьким низеньким домиком, стоящим на тундре

¹ Шренк Александр. Путешествие к северо-востоку Европейской России. СПб., 1855. С. 108–109.

Мезень. Открытка нач. XX в. Из коллекции А. Сидорова

и кончается почти обыкновенным деревянным домом тюрьмы, и также на тундре; а чтоб пройти поперечную улицу, то достаточно и пяти минут. Причем проходя вдоль и поперек города, можно иногда не встретить буквально ни души, хотя и посреди бела дня. Задворками своими город весь стоит на краю бесконечной, пустынной, удручающей тундры, да и не только задворками, но есть домики, фасад которых приговорен созерцать ужасы унылой пустынности; и словно для горькой иронии, этот бедный фасад украшен интересным резным (симпатичным) балкончиком. Город Мезень не имеет ни единого каменного жилого строения, кроме низменного маленького зданьица — Государственного Казначейства. Имеются две церкви, и те обе деревянные, причем одна из них XVII века. От жизни в Мезени-городе, полной душу щемящей тишины, безмятежности и простоты, не бывавшему здесь человеку покажется жутко, а за добродушных, чрезвычайно радужных обитателей его становится как-то обидно и крайне тоскливо»².

Тоскливое настроение автора было, скорее всего, навеяно погодой. Мы же ярким теплым летним днем бродили по Мезени, не испытывая этого чувства, хотя спустя сотню лет картина не намного изменилась. Николай Авенирович Шабунин был замечательным художником и фотографом, сыном мезенского священника. В 1903 году он совершил путешествие на родину. Ему мы обязаны замечательными фотографиями мезенского края и его жителей.

Старое мезенское кладбище расположилось между двумя районами города — Слободой Окладниковой и Слободой Кузнецовой. Огромные деревянные резные кресты стоят

в зарослях малины и крапивы. На некоторых крестах 1930-х годов старые фотографии — удивительно красивые лица. Крепкие люди — крепкие кресты. Таких людей невозможно не уважать.

Вверх по Мезени расположились многочисленные деревни, в которых и сейчас течет жизнь. Каждое село являлось как бы центром мироздания, помимо общих традиций известное еще и местными. У каждого села были свои особенности. Жителям приписывались определенные качества. В языке это сохранилось в виде поговорок, прозвищ.

Пáлуга — зелёна,
Кеслома — ворона,
Копылиха — на боку,
Полна трубка табаку.
А́запола — дрóзды.
Мéлогора — катыши́.
Цéлегора — рекоставы.
Чи́рсогора — горцы.
Погорёла — кúронти.
Жердяне — кокушки.
Дорогоры — совы.
Кильца́на — дрыны.
Кимжа́на — чернотропы.

А вот как пытаются объяснить эту поэзию слов местные жители:

«Палуга тихенька деревенька, маленька, уютненька. Копылиха — стара деревня, все дома небрежные какие-то».

«Целегоры — рекоставы. Говорят, река пошла, а много сена было за рекой не вывезено. Так мужики раньше кушаки носили. Давай, говорят, мужики, кушаками свяжем льдины-то да реку-то поставим снова и сено вывезем! Вот их рекоставами и прозвали».

«Кимжана — чернотропы. Черны люди. Раньше, говорят, бани черны делали. У меня и у мужа было прозвище Тропа. И на войну-то ушли мужики, я запомнила, все какие-то черны были. Смуглые».

Дорогорское (Дорогая Гора)

В Дорогорское мы попали благодаря замечательному режиссеру Дмитрию Васюкову и его оператору Семену. Дмитрий ищет по земле счастливых людей и снимает про них документальное кино. Поэтому свой проект он и назвал «Счастливые люди».

В Дорогорском счастливые люди умеют ловить семгу поплавнем: необходимо было заснять

² Шабунин Н.А. Северный край и его жизнь: путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии. СПб., 1908. С. 4.

этот увлекательный процесс. Дима взял разрешение на отлов 1 экз. семги в течение суток (так было написано в бумажке) и обязан был этот один несчастный «экз.» за указанный срок поймать. Иначе плакали его 500 рублей за означенную бумажку. И они плакали.

Село раскинулось на высоком берегу Мезени. Мы спустились с крутого обрыва к реке. Внизу уже поджидали две лодки с хозяевами. На одной предполагалось ловить, а с другой — снимать. Акимыч — главный — брат меня в лодку отказался: «Женщин не берем!» Ну и ладно, обидно, но не смертельно. Тем более что где-то недалеко живет 90-летняя бабушка, о которой мне красочно рассказал Дима по дороге, и, по всей видимости, она тоже принадлежит к разряду счастливых.

Стучусь в окно небольшого дома «глазом на́ воду». И вот я в гостях у Антонида Егоровны Петровой, которой действительно несколько дней назад исполнилось 90 лет.

Мы сидим за столом у окна, в котором проходят неспешно: река, берег, солнце, небо. Это мир вокруг и внутри нас. Когда вопросы мои иссякают, Антонида Егоровна начинает сама без уговора петь или что-то рассказывать. И так продолжается пять(!) часов.

Я довольна как никогда, а рыболовы и операторы замерзли и завидуют.

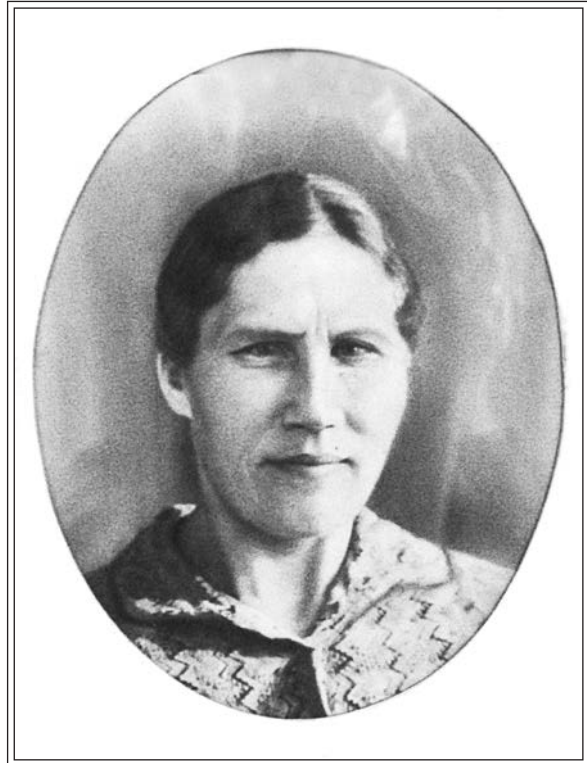
Рассказывает Петрова Антонида Егоровна, 1921 г. р.

Я в Финску войну в Карпогóрах лес рубила, а в Пинеге пять лет сплавила, а на зверобойке Победу встретила. Везде была, а ничего не заробила.

Победу-то мы встретили в Молотовске (теперь — Северодвинск). Зверобойка недалеко от Северодвинска была. Мы в сжатии сидели девять дней. Нас за́жало льдами, и ни хлеба, ни воды, ничего. Кодем, кодем лед, а сделать ничего не можем. Только когда ледокол большой пришел, нас обкололи. Нам — хлеба, воды, топлива, флаг подняли. Наш ледокол назывался «Дежнёв».

Нас с ледокола на лед выпускали. Лед-то несёт, надо по нему бегать, прыгать. Один раз па́ла, сама-то переползла, а у меня еще юрок³ со зверем. Мне бы зверя отпустить, так жалко кинуть. Вот сколь глúна была! Давай, на багру поползла да еще и зверя выгнула. Весной обычно на юрке двух зверей тянешь. Они будут серочки. Осенью бельков маленьких тянешь по четыре. Сама при-тянешь, брюхо распорешь, шкуру снимешь.

³ Лямки с веревкой, чтобы тянуть зверя за собой.

Антонида Егоровна Петрова

Нас ледокол выпустит, а сам уйдет от нас на 10 километров. А они ведь нырнут тюлени-то, дыру оставят такую, ее снегом занесет — не видно. Бух ногой-то! Ступишь, нога там мокра, портянку выжмешь и с такой мокрой ногой ходишь весь день. А таскать зверя надо на одну льдину. Зверя били птыком — багор, а на конце птык. Они ведь за льдинки пихаются, не видно их. Смотришь, смотришь, раз — в башку ткнешь, потом в сердце. И всё. Жалко не жалко — работа така.

На ногах бахилы, на себе — фуфайка. Фуфайку еще не всегда надевали, — надо что полегче, чтобы бегать. Ремень завяжешь, на нем с одной стороны ножик, с другой — брусок. На промысел всё равно в юбках ходили. Внизу штаны, а сверху юбка.

Большинство женщины всё были. Гарпунёры — мужчины. Их на лед выпустят сначала, потом нас. Они оружием били, а мы птыками. Жалко бить-то! Если в залёжку зайдем ночью дак, стонут, плачут, как малые ребята. Как не жалко-то? Но надь бить.

Мы шкуры сдали в Молотовск, потом пошли в Архангельск сдавать мясо и жир. Мясом и жиром от голода спасали Северодвинск и Архангельск. Нас-то кормили маленько. Веревочку с собой берешь. Зверя когда вспорешь, внутренности какие на веревочку нанижешь. А приходишь на ледокол, у нас там котел. В котле жиру натошим, это всё спустим, сварим да съедим.

В июне домой возвращались. Нас до Сёмжи ледокол вез.

Рыболовецкий был колхоз. Рыбу всегда ловили. Просто лодки были, а коротенький широкий называется карбасок. Много лодок шили. У каждого неводок был рыбу ловить. Я рыбаком была, семгу ловила, навагу, селедку. Навагу ловили на море, семгу — здесь. С моря ветер дует, так семгу гонит. По 200 килограмм в тонну попадало. Один раз в невод морской заяц попал. И семги много, и заяц попал. Не знаю, что делать. Запихался-то в матицу, где семга заходит. А я зверя-то ловила. «Тоня, ты зверя-то ловила, ну-ка бей его!» Рачь — палка такая. Я говорю: «Несите рачь-то сюда, я щелкну его». Я в лоб его щелкнула, сердце знаю где, — тукнула. «Давай скорей тяните его вон, а то еще семгу упустим!» 24 килограмма — самая большая семга была. Втроем тащили.

Здесь рыбзавод был, туда сдавали. Зимой навагу ловили рюжей. Селедку в Белом море дрефтерами ловили. Целый карбас отсечешь селедки-то, пойдешь сдавать. Вот сколько тогда рыбы было! А теперь никакой рыбы нету.

Как парус поставить, сила нужна, — тяжелой. На корме хозяин лодки сидит Герасим, а нас две женщины было. Он рулит, а мы на веслах и на парусе. Лодки у нас совхозны были.

Надъ еще ветер какой был, чтоб понесло парусом. Когда селедку ловили, чтобы домой вернуться, надо было, чтобы с севера ветер был. Мужики говорили: «Девки, ругайте Севера-то, чтобы Север нам подул пуце!» А мы тоже глупы! На гору выйдем, давай реветь: «У Севера жёнка б...!»

У нас семь карбасов было, семь неводов. Стоим в очередь, ждем. Одни плывут, други ждут. От колхоза катера ходили, ловили треску на море. Треску ловили — жиру натопят. Принесут бутылками. Мы ребят всё рыбьим жиром поили.

Как-то поехали селедку ловить, в шторм попали. Так у нас карбас перевернуло. Нас пятеро или шестеро было. Выплыли, недалеко от берега были. Чего только не было!

Что ж ты, Машенька, Маша, приуныла,
Ой да призадумалась, да сидишь?
Ой да сидишь, раньше пела, Маша, веселилась
Ой да со подружкой, ой да со своей.
Ой да со своей, ой да нам подружки, ой да говорили,
Ой да к нам весна да скоро ли придет.
Ой да придет весна, придет, солнышко взойдет,
Ой да приударит да частый дождь.
Ой да частый дождь, частый дождик — не помеха,
Ой да со востока ветерок.

Ой да ветерок ой да со востока, ой да ветерочек,
Ой да стонит снежки да весь мороз.
Ой да весь мороз, ой да расцветут в поле да цветочки,
Ой да всё ракизовые всё да кусты.
Ой да кусты, между теми да кустами,
Ой да быстра реченька протечет.
Ой да протечет, течет реченька река Мезень да,
Ой да не широка речка, глубока.
Ой да глубока, не широка речка глубока,
Ой да бережками крутая.
Ой да крутая бережками реченька крутенька,
Ой да песочками желтая.
Ой да желтая песочками реченька желтенька,
Ой да переходу через нет. ✨

9 июля. Кузнецова Слобода

Дорога на Слободку обрамлена высокими деревьями. Дома аккуратные, с палисадничками. Гораздо всё человечнее, чем в самой Мезени. Нет разрухи и барачного духа. Двое малышей, мальчик и девочка, возятся в песке. Чем не этнография? А то всё бабушки да дедушки. Подходим, знакомимся. Через пять минут Света и Вадик дают нам небольшой мастер-класс по лепке песочных пирожков. Обе стороны расстаются удовлетворенными.

Окладникова Слобода

Прогуливаемся по мезенской набережной. Набережная — название условное — реки за лугами и болотинами не видно, только угадывается берег. Пойма заросла высокими деревьями. До реки, наверное, с километр. Да и улицы как таковой тоже нет — дома, бараки выходят на обрывистый склон, вдоль которого вьется ухабистая дорожка.

«До сих еще пор свежо в народе историческое предание о первоначальном заселении места, занимаемого теперь городом. Два новгородца — Окладников и Филатов — явились первыми к устью реки Мезени и первые положили здесь начало заселениям: один там, где теперь город Мезень, другой выселился ближе к морю, туда, где теперь раскинулась деревушка Сёмжа. Окладников явился на новое место своего жительства с пятью сыновьями и с иконою Нерукотворного Спаса. Икона эта долгое время переходила от одного лица к другому, пока не сбереглась в руках какого-то безвестного отшельника, жившего в пустыньке на морском берегу, при устье реки Хорговки, и пока не была перенесена в 1663 году в Спасскую церковь Кузнецовой слободки. В 1780 году обе слободы (Кузнецова и Окладникова) по реке названы городом Мезенью и получили в герб

Жители Мезени. Открытка нач. XX в. Из коллекции А.И. Сидорова

красную лисицу в серебряном поле. Стоит теперь уездный город Мезень, обложившись множеством больших и малых деревень и неудобною к обитанию тундрой, со своим уездом, больше которого по пространству и меньше по населенности нет уже другого на всем громадном протяжении Великой России»⁴.

Идем в гости к Олегу Александровичу Коткину, чей небольшой домик первым по счету расположился на мезенской набережной. Вид от дома на мезенские просторы открывается бескрайний!

Исконное место рыбного промысла для жителей Мезени — побережье Канина полуострова, между реками Яжмой и Чижей. Рыбацкие становища там возникли давно. Самые известные — Большая и Малая Боровая тони. Олег Александрович рыбачил на Большой Боровой тоне последние 15 лет. Практически каждое лето он уходил туда на месяц.

Рассказывает Коткин Олег Александрович, 1953 г. р.

На Большой Боровой старая изба стоит лет сто. В ней нет потолка, а на крыше положен дерн. Печка русская. Кресты обетные ставят до сих пор. Поддерживают их в хорошем состоянии, следят за этим. Ставят в память, — каждый год кто-то

погибает. Даже раньше, когда много народу ходило, все равно море кого-то прибирало. Ставят на удачу — хорошо дошел, на удачную рыбную ловлю. Это обетный крест. На Боровой, на высоком холме стоит крест. Когда морем идешь, то не видишь захода в речку, а тебе надо быстро попасть, особенно на приливной воде. Захода в речку не видишь, а видишь крест и на него ориентируешься.

Случай был, когда на лодке винт отвалился и меня два дня носило по морю. Лодка была чужая, и я уже почти дошел до места.

Я шел на тоню Большая Боровая на карбасе вдоль побережья Канина полуострова. По дороге нужно проскочить опасные места. И на одном из таких мест я не попал в воду и сел на мель. Погода была тихая. Утро начиналось солнечное. Я вскипятил чайник, выпил чайку, оставшуюся пресную воду вылил. Уже 150 километров пройдено, вот сейчас зайду за ближайший мысок, пять километров — и я на месте. И когда вода пришла, и я тронулся с места, у меня слетел винт — шпону оторвало. Пока я соображал, что случилось, пока я направлял парус (думал, что хоть на парусе дойду), а у меня в лодке полтонны груза... В общем меня унесло так далеко, что берегов не было видно.

Сперва, как обычно, у человека возникает паника. Потом я начал соображать, что мне делать. Мотор на лодке у меня не подвесной, стационарный. И запасной мотор есть. Мотор поменять

⁴ Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск, 1984.

На Большой Боровой тоне. Фотография О.А. Коткина

можно, но винт никак не поменяешь. И все-таки я обвязал себя веревками и залез с кормы в воду, чтобы вытащить вал. Но уже в воде я понял, что вытащить вал в таких условиях нельзя.

Короче говоря, меня унесло. Подумалось: связи нет, только через месяц кинутся искать где я, потому что не вернулся. Перебрал все варианты. А какие варианты — их нет. Но потом, трезво поразмыслив, я нашел выход. Как только я нашел решение, тут же успокоился.

Вода приходит и уходит, меня носит то от берега, то к берегу. Я привязал длинную веревку к якорю. Посмотрел таблицу приливов и отливов. Часов у меня не было, только мобильник, который я включал на секунду, чтобы время посмотреть. Еще в лодке было надутое автомобильное колесо, я привязал к нему веревку и выбросил его за борт. Смотрю на таблицу приливов, на мобильник, смотрю на колесо. Колесо должно повернуть к берегу, если прилив. Оно легче карбаса и сразу реагирует на приливное течение. Шесть часов вода идет к берегу, потом начинается отлив, и колесо разворачивается обратно. В это время я кидаю якорь. Якорь цепляется за грунт, и дальше в море меня уже не относит. И вот так я два дня цеплялся до берега. Когда показался берег, я уже колом стал допихиваться до него. Появились камни и прибой.

Возникла другая проблема — выкинет на камни, разобьет борт. Надо было прыгать в воду и держать карбас, чтобы его не разбило. Я тащил его вдоль берега, пока песок не начался. Вытащил карбас на берег, отдышался, заменил вал за пять минут. Поблизости оказалась избушка и рыбак из Чижи (это село в пяти километрах), который ставил рюжи. Он ко мне подошел. «Вижу, — говорит, — карбас в море два дня носит. То появится, то унесет». Я мотор новый поставил на карбас, пошел к нему чай пить. Он говорит: «Парень, завтра последняя большая вода. Если завтра не уплывешь, просидишь здесь две недели». А у меня

лодка с содержимым полтонны весит. Тут я заперезживал. Вода ночью пришла ровно до моего карбаса, даже не стоила его и ушла. Я запаниковал еще больше, чем когда меня по морю носило. Две недели на берегу просидеть! Попросил этого мужика помочь. Завел под карбас баланины⁵. Якорь опять связал на две веревки, завел как можно дальше в море и забил его кувалдой. Потому что когда вода начнет прибывать, волна будет его отбивать, и так можно нос у карбаса отвернуть.

Вода пришла с волной. Мужик стоял по пояс в воде, упирался спиной в скулу катера. Волна бьет, катер закидывает на берег. А он тяжелый, никак не может с берега сойти. Главное — нос свернуть, потому что он полегче. А я наматываю веревки у якоря, чуть слабина появилась — я веревку должен подтянуть. Вроде как карбас оторвало. «Давай, — говорит, — быстро заводи мотор!» Мне надо мигом с носа на корму перебежать, еще и якорь выбрать. Акробатика!

Дошел до реки, и только я зашел в реку, как поднялся шторм. Мужики три дня в море не ходили. Мне крупно повезло. ❀

10 июля. Мезень

Воскресная служба в Мезенском храме. На литургии шесть человек. Служба проходит быстро. Прощаемся с гостеприимным о. Алексеем и собираемся в дорогу.

На 15-часовом рейсовом автобусе доезжаем до конечной точки Мезенского района, деревни Целегоры. Там переправа на другой берег Мезени. Вот она, знаменитая красная щель! Невероятная мезенская ширь! На моторке пересекаем поле-море воды и попадаем на противоположный берег. Мы ждем встречи с селом Азаполье.

Азаполье

Стоит на крутом берегу — стрелке соединяющихся рек — Мезени и Чурьеги. Деревня большая и раскидистая по холмам.

Есть в селе и народный музей. Его хозяйка Ида Афанасьевна Максимова с гордостью показывает богатую коллекцию в подыбнице. Так называется высокий подклет большого мезенского дома.

Вечером прогулялись по селу, попытались изучить его нелинейную географию. Одна из улиц вытянулась вдоль Чурьеги. На дальнем от устья конце мысок, на мыске высокие размашистые

⁵ Короткие бревна. Балан — бревно длиной около метра.

качели, улетающие в небеса. На берегу Мезени при входе в село стоят два креста: первый поставлен в 1996 году в честь 400-летия Азаполья. Неподалеку второй — старинный — по всем четырем граням богато украшенный молитвенной вязью.

11 июля. Азаполье

Всю ночь враги пили мою кровь.

А вид из окна на Мезень фантастический — крови было не жалко. Поутру познакомились у соседнего дома с Анной Васильевной Рашмаковой, были приглашены в гости и, не раздумывая, туда отправились. Анна Васильевна вяжет и выпивает. Варежки с мезенскими узорами, полотенца с соседскими петухами, сарафаны, которые здесь «малиновы» назывались, делают границу праздничной. А речь Анны Васильевны до того богата разноцветьем слов и поговорок, что хочется слушать ее бесконечно.

Рассказывает Рашмакова Анна Васильевна, 1924 г.р.

Здесь родилась, здесь выросла, здесь живу. Здесь замуж вышла, детей ростила, семерых накопила. Семеро детей, 15 внуков и 10 правнуков. Прадед Гавриил 25 лет служил в Питере, привез с собой генеральску дочь. Дедушка был Михайло Гаврилович, обувь шил. Нас в деревне Гаврилоцивы звали.

Очень бережно относились к полям, лугам — от этого и жили. Старики были аккуратными, и нас так приучали. Будьте хозяевами своей земли! Вы не поберегите, за вас никто не побережет. В семь лет я уже кучи с сеном возила. На лошадь посадят, отец десять куч отсчитат да на огороде крестик зарубит.

Мы очень тяжело жили. Голодовали. В это время на луга ездили, кучки запасали, коренья запасали, мох белый драли. Солома та уж — и добро дело! На вехти навьем, в печку бросим, насушим, толкём.

Рыбу ловили, скота держали, но без хлеба — худа беседа! Хлеба край — под елью рай, хлеба ни куска — берет и в горницах тоска. Ой, всего пережили! Да Север он и есть Север, он и так-то не каждый год родил! Ячмень вековечный здесь был. Мы всего здесь перенесли. Кому как судьба подвертела. Кому хватило века, а кто рано умер...

Пожар помню в 1931 году. Четыре парохода пришли, поливали водой, школу отстаивали. Школа была только выстроена. Школу и соседние дома отстояли. Поддеревни сгорело. Одна

Анна Васильевна Рашмакова

женщина головешку в своем доме выбросила, а она под избу укатилась. Два сына у нее сгорели и мать.

В раскулачивание пострадали Лимонниковы два брата, Семен да Александр Петровичи. Их как кулаков увезли, потом они вернулись не долго, за неделю до пожара. А как пожар случился, на них и свалили. У той Анки-то-зажогги, брат в ОГПУ работал в Мезени, и он ее защитил, что мол не она виновата. Свалили на Лимонниковых. И их опять увезли. Ни за что, ни про что обидели людей!

Лимонниковы до того работящи были! Семен-то до того завидный был! Семен литовкой⁶ косил. Бывало до того укосится, дак его из лывы под руки бабы вытягали! У нас ведь мало ровных лугов для машинной обработки. Лывы были — кочё выше колена, не знаешь, как косить. Лывы — луга кочковаты. Не знаешь — косой махнуть или через клыч перешагнуть! До того работящи и удалящи были — звери, а не мужики!

Жизнь — сложна штука. Жизнь прожить — не полюшко перебежать, по полю идешь и то устаешь. Вся жисть тяжела привелась. Когда голоден, когда устал — пал, пролежался, встал, опять побежал. Это когда здоровье есть. А теперь и смерти бы рада да смерти нету. Что-то сделать надо, а я не могу. А чего и сделаю, пришла вахля вахлём, как вахлина кака паду.

В Бога я верю и не верю, но я и в себя верю тоже. Маслом каши не испортишь. Как-то надо жить-доживать. Теперь уж под старость сатане в колени не охота голову отдавать. Семеро детей одной вырастить! Вина не пила, не курила, дурью не маялась. До того тяжело бывает, и пою, и плачу, и всё. Не с кем ведь горе-то разделить!

⁶ Коса-литовка.

Кладбище в Азаполье. Фотография 2011 г.

Муж Семен — здешний. Молодо-зелено — гулять велено. Где-то познакомились. Сейчас уж и не вспомню. На три года он старше был. В 1946 году он вернулся из армии, а в 1948 году мы поженились. Четыре фронтовика в деревню вернулись. Четыре военно-раненых впереди пришли. Восемь мужиков на деревню. А баб так, наверно, сотня была. Да и мы, девчонки молоды, narосли. Выбирать нам было не из кого.

Фронтовики были, отчаянные. Ой, как надо было норовить! По Пёзе по речке 40 женщин приехали, и всё вдовы. Молоды, здоровячки! Говоришь им: «Девки, как вам не стыдно! Ведь жены есть, дети — жены-то ладно, но дети!» А они в ответ: «Ты живешь, и нам охота!» Нечем крыть было. И поневоле ругаться не будешь. Но жена не кот⁷ — с ноги не сошнёшь.

Только начали детей растить, муж сорвался — 46-ти лет умер, а меня 43-х оставил. Младшей дочке пять лет было, а сыну младшему два года. И у меня их просили в детский дом. Я, говорю, нет, зверь-волчица и та своих детей в лесу прибирав, и я своих не отдам. Лучше их попрощайничать отправлю, но буду знать, что они ко мне придут.

Как бы век дожить, да к милой ладушке попасть! Бросил, оставил 43 годов. Всё ходила, плакала-ревела:

Словно утицу со утятами меня бросил,
С малыма ребятами.
Среди морюшка без лодочки,
Среди плёса без лошадоочки.

⁷ Коты — разновидность обуви.

Четверо уже в школе учились. Когда ветер с кладбища был, кто-нибудь в деревне услышит, а телефонов не было, в школу передавали: «Отправьте кого-нибудь из Рапмаковых на кладбище, мать опять там ревет». А у меня как призвание было: обряжусь, домой не тянет, пойду на кладбище, наревусь. Надо было перереветь.

Хватило мне достаточно. С покрывшкой и с присыпкой.

Не падайте духом — падайте брюхом! Выше голову, кверху нос! ✂

Перерыв. В избе-то прохладно, а на улице жара звенит комарами. +35° С. Идем на Мезень купаться. Вода прохладная и шелковистая, мягкая.

Жители первыми хотят познакомиться. Зывают из окон, спрашивают по дороге, очень охотно обо всем рассказывают. Около одного из домов по фасаду стоят стожары, немолодой уже человек укладывает сено. Мы заходим в этот дом. На веранде видим ткацкий станок с начатым пестрым половиком.

Рассказывает Бобылева Мария Васильевна, 1938 г.р.

Ткацкий станок родовой. Мама передала ткацкий станок из рук в руки. Полотенца раньше ткали. Сейчас опять научились дорожки ткать.

Колхоз назывался «Новая жизнь». Отец в 1943 году был здесь председателем колхоза. У отца было шесть братьев и шесть сестер. А у нас-то в семье четыре сестры да два брата.

У нас на огородах всё садили. И коноплю, пшеницу растили — тоже росла. В 1948 году мы все налогом были обложены, и надо было сдать шерсть, мясо, яйца, молоко. Кто не мог сдать, того колхоз отпустил в Каменку на заводы работать. В 1941-1942-м году мы жили хорошо — на столах-то у нас было. Вот, в 42-м с зимы мы стали худовато ести-то. Но никто не весился, не стрелялся. Пусть худо жили, но как-то переживали.

Я с 1955 года работала на фермы. Я и молокоприемщик, и раздатчик кормов, и заготовитель керосина для лампочек. Я пришла на ферму, так еще лучину поджигали, керосину жалко было. 120 коров было.

Крест, который у реки, его ведь было спихнули. Булатов Егор Демьяныч сохранил его в амбар. В каком году его обратно поставили, я уж не помню.

Ишаный холм, на нем крест. Кто как рассказывает. Когда стали наделять землю, у одного мужчины родилось два парня. Двойников родила женка. Ему надел дали, а земля была

нешлодородна, и птица всё добила. Ему сказали: «Съезди в Палащелье, за-кажи крест». Он заказал и поставили крест. У него было пять девок и родились сыны-двойники, последние. Может, и друго дело, но мы слышали так. Ишаный называется, потому что ничего не рожалось, наверно.

Сейчас кладбище за Онисимовой чищаницей⁸. Говорят старухи: «Ой, девка-девка, как бы нам за Онисимову попасть!» Жил, говорят, какой-то Онисим.

Я когда покойников спровожая, говорю: «Помяни, Господи, душу раба Божья» и кажу из кадильницы. Кажу, когда в гроб ложат. На кладбище придем, крышкой закрывать будут, я тоже покажу его и могилу. «Земля мати, прими раба Божьего!» Меня одна старушка учила: «Лишно не болтайте, это ведь покойник!» Покойника моют от головы к ногам с мыльцем, потом чистой водой из ковпика поливают. Потом полотеньшпом вытираем, а полотенце вместе с ним в гроб кладем. Мужчины мужчин моют, женщины — женщин. Потом одевают по порядочку. Только нигде узлов не вяжем! Раньше-то валили, хоронили в ветошках. Всё говорили: «Земля в земло». Но папа бабушку Харитонью в ветошке не дал хоронить. Она всю жизнь костыч — своекан-от сарафан — носила, вот в нем и положили. Нынче-то всё ново одевают.

У Черного ручья крест стоит оветный. Скотско-оветный, чтобы скот в лесу сохранять. Отец рассказывал, как-то искали нетель⁹. Всема цепью ходили, искали, не могли найти. Бабка Варуха была в Палуге, кака она была, не знаю. И какой-то еще старичок-скрытник. Сходили к нему. А он говорит: «А вот там-то сходите, она, наверно, там и стоит». Пришли, а она рожками в елку, а место вокруг всё вытоптала. Жива. А говорили, сколько раз это место проходили, когда искали. Одна скрытница Окулина шить умела, шила ходила, у кого машины были. У стрелочки (где сейчас кашель-то) часовня стояла, около нее крест, на который пелены вешали. Так Парасковья-скрытница ей заведовала, этой часовней. ✂

Мария Васильевна Бобылева

Мы выходим на веранду, и Мария Васильевна показывает, как ткать. Сажает меня за станок и приговаривает: «Кросенцы¹⁰ почаще, а деточки пореже. Ткешь когда, желают: „Сто локот (локтей) на пришвицу“. На пришвицу готовое полотно завивается».

Какая речь! Какое живое богатство языка! Я это слышала! Засыпаю, а внутри продолжает звучать речь азапольских бабушек. Слов не разобрать, но интонация, мелодия безостановочно звучит в голове. От нее невозможно отделаться, как будто слушаешь нескончаемую сказку, иногда грустную, иногда веселую, но всегда родную.

12 июля. Погорелец

Рано утром переезжаем на лодке через Мезень в Мелогору и прибываем на рейсовом автобусе в Погорелец. В нашем распоряжении небольшая чистая, вымытая избушка.

Погорелец — деревня небольшая. Неделю назад она отметила свое 450-летие. На клубе висит герб Погорельца. Как вы думаете, что на нем изображено? Конечно, куропатка!

Был съезжий праздник. Еще не все гости разъехались. Нам повезло, мы застали в деревне Людмилу Клавдиевну Тярину, маленькую хозяйку самого большого дома в деревне. Дом 1898 года возвышается на крутом берегу Мезени, и от этого кажется еще выше. Срублен прочно, на века. Мы заходим в дом, и встречает нас бодрая худенькая старушка с голубыми глазами. Я смотрю на старушку, на горницу и понимаю, что уже это видела. Наверное, от усталости у меня помутилось

⁸ Чищаница — место, расчищенное от леса под поле.

⁹ Молодую телочку.

¹⁰ Кросна, кросенца — ткацкий стан. Кросенца — домотканые рубахи.

Одежда женщин на лесозаготовках
Мезенский историко-краеведческий музей

в голове. А потом вспоминаю фильм Валерия Близнюка по Мезени и радостно вздыхаю — голова на месте. Миссионерская группа о. Андрея Близнюка из Свято-Тихоновского университета очень полюбила эти места и каждый год заезжает в Погорелец, где шефствует и над жителями, и над храмом. Церковь отремонтирована, иконостас местного письма привезен из соседней деревни. Мезенский батюшка, помнится, вздыхал — такой бы храм да в Мезени!

**Рассказывает Тярина Людмила Клавдиевна,
1926 г. р.**

Я 25-ти годов в декабре уехала в Каменку. 60-й год в Каменке живу, но душа-то сюда рвется, в дом, где родилась. Дом строил дед Ефим 113 лет назад. Татушку моего звали Клавдий Ефимович Лодынин. Все братья построили себе дома, а этот — остался моему отцу и его брату Варлааму. У нас четыре избы¹¹ внизу, да две наверху. Жили наперекрест двумя семьями, не делились. Мы бедны были да добры.

¹¹ В данном контексте часть сруба, комната.

У отца нас было четверо. Маму отдали в замуж насилу за отца, потому что отец дома 9 лет не был, из плена германского три раза бежал. Пришел больной. Мамы 19 годов было, а отцу 29. Считалось, что лодынинско житьё не бедно.

Я два года в храме училась, там школа была. Пошла почти девяти лет в первый класс. Мама в колхозе работала, а по вечерам школу убирала. Отец в техучастке в колхозе работал, зимой на мельницах молот. У нас тоже мельница была — лодынинская, третья. В каком-то году шторм был, так мельница наша пала. У соседей крышу целиком снесло. А наш дом выстоял.

У нас шторм не прошел стороной,
Крыши сдувало порой.
Гордо стоял ты тогда,
шторм принимал на себя,
Крепко построили деды тебя,
Чтобы отцовская память жила,
Сил не жалели и лень не была,
Строили деды тогда на века¹².

Я — неученый человек, всего четыре класса, чего только нет на уме.

С детства до 10 годов все места в округе с отцом выходила. Все ручьи знаю. У татушки был челночок небольшой на озере. Помню, на озере лопухи, красивые цветочки были. Крик птицы раздался, а я: «Тата, где-то овцы заблудились, наверно. Ревут!» А он: «Нет, это ведь птичка!» Как барашек ревет.

Папа в 1936-м умер. Брат отца дядя Михаил на похоронах мамы говорит: «Павла, как будешь жить? Ребят четверо осталось. Тебе надо на завод ехать». А она: «Я приеду с ребятами-то, четверо ребят да сама — кто меня пустит? Кто мне избу приготовит? Буду здесь жить, просить ходить — да дома». Просить не просили, а что было от отца — всё променяли. И мать свои какие платы, шали — всё снесла. 41-й, 42-й год хлеб не родился.

Мама-то у меня не пела, говорила: «У меня без песен рот тесен». А если запоет, голосом заплачет. Она причитала, рассказывала. Отец помер, мы ушли вниз на зиму, весной опять наверх перешли. Река-то идет, а мать причитает. Я ейны причитания на век запомнила. Я ее трясую: «Мама, не плачь, пойду за теткой Машею! Пойду за теткой Феклюю!» Как река-то пошла, она ночью и причитает:

Разлились туда воды вёшние,

¹² Автор нижепубликуемых стихотворений Людмила Клавдиевна Тярина.

Потекли туда реки широкие,
Побежали туда ручьи быстрые,
Налетели туда гуси-лебеди,
Все пошли да поехали на работушку на
тяжелую
Уж, как я-то, горюха горькая, кого буду
проводятеньки?
Кого буду встречатеньки? Да казну-то
получатеньки?
Да как детей-то...

Да так причитала! Я встала, да и плакала с ней
вместе. А эти слова до сих пор отдают еще в душу.
Когда заплачешь, оно само плачется. Мама ска-
жет: «Само плачется, само вычится».

Справедливости нету. Может, кого Бог
и наказывает, но не всех. Мама рассказывала:
«Если бы Господь был, справедливость бы была.
Сколько я молилась, когда меня насилу замуж
отдавали. Я три дня и три ночи перед Николой
на коленях выстояла со слезами. Меня связали
и все равно отдали. Был бы Бог, он бы мне помог.
Я трех годов от матери осталася, до 14-ти годов
с отцом жила, отец помер да еще насилу замуж
отдали».

Отец-то больной был, психоватый. Мать
ему всё норовила. Едем с озера, мама уж на угоре
встречат. Ссориться-то не ссорились. Ведь рань-
ше вина не пили.

Она с Никитой всё до замужества переписы-
валась. Он пришел из армии, к окошку подошел:
«Ты, чего, Павла, не могла дождать?» А она гово-
рит: «Меня связали да отдали. Пойди, а то Клавдия
заревнует». Никита говорил: «Я бы жизнь Павлы
не таку устроил». Всё жалел ей. Вишь, кака судьба
пала.

Нам вырасти-то и не дали! В 1942-м меня
16-ти годов в ФЗУ выписали. Из ФЗУ мы сбежа-
ли через два с половиной месяца. Потому что
нас сразу в Архангельск в «Красну Кузницу» от-
правили, сразу к станку поставили. Общежитие
было в деревянном доме. Топили железны печки,
дров не было, все заборки сломали. Впи заели,
в баню раз или два сводили. Все решили сбежать.
По две станции в день шли, по двадцать с лиш-
ним километров. Два раза потом в Мезень вызы-
вали, прокурор по столу стучал, что все в тюрьму
пойдем.

Война кончилась, мне 19 было. Отправили на
лесозаготовки под Плесецк, вырубали место для
космодрома. 600 грамм хлеба в день давали.

Василий в 1951 году из армии пришел, приез-
жал сюда, к моему брату. Стал сватать в Каменку.
Я подумала, если замуж не пойду, опять в лес
погонят. Вот и не знавши его, пошла. Не жалею.

Людмила Клавдиевна Тярина

Пятьдесят с лишним годов жили. Он хороший
был. Скорее я на него крикну, чем он на меня.

Сяду просто так сочинять с карандашом, ни-
чего не получается, а иду из леса — сочиню! Я по
лесу быстро ходила. Иду и сочиняю, приду и за-
пишу. Или запомню. Не труслива в лес ходить.
Хожу и говорю: «Мишка, не пугай! Я в лесу».
Слышу ведь, что он ходит. Вот и говорю ему:
«Мишка, я здесь! Не пугай меня! Я одна». Василий,
муж мой, смирённый был. Я в лес уйду одна, а он
спустится к реке и меня встречает. «А я тебе хошь
помогу».

До войны в Погорельце 55 домов было.
И знала всех, кто где живет. Два околотка были:
наш конец — Волость, а другой — Бор. В Волости
было 14 домов. Сколько людей было! Я иной раз
не сплю, считаю: у тех семеро, да у тех семеро, да
у этих пятеро... 70 если не больше одних только
ребят было!

До войны устраивали съезжи праздники.
Вина не было, пиво или брагу варили. Пьянки
повальной не было. Сейчас-то опалел народ-то.
Вожжи распустили, узду сняли с людей-то.

Погорелец. Фотография 2011г.

Жито надо вспахать, посеять, сожать, смолотить. Потом вывезать, потом высушить и на жерновах смолоть, просеять — вот когда мука получится! Колобы натяпают, да житники, да сковородники. Житники, крупники в печи на поду выпекали. Под выпашут помелом — раз — житники готовы быстро. Если сдобно тесто, то молоко клали. А житники пекли на воды. Соль, вода. Дрожжей раньше не было. Закваска была в чулане на полке. Это тесто жило. А пресно́ — корки скали, и крупу на молоки на эти корки, сметанкой польют, на лопату и в печку на под. На дожин, бывало, горы шанёг напекут. Ягод привезут, молока флягу сквасят, всю посуду займут на простоквашу, а потом напекут на дожин. Дожин — жито выжали и праздник устроили. На нашем конце собирались, и на Бору. А где клуб, там уже соберемся все вместе поплясать. Под гармонь русского, да кадрили, да «болван», да песен попоём. Болван — это вроде игры. Когда гармони не было, под балалайку плясали.

Вина не покупали, брагу варили из солода. Солод — рощено зерно. Зерно стало расти, как сросло немножко, его растеребят, смелют, будет мука. Высушат, поджарят, чтобы мука красна была. Зальют этот солод — будет красно пиво.

Ездила зимой в деревню,
Такая тишь и благодать!
Наш дом стоит, как сиротина.
И в чем же он-то виноват?
Стоит печально и тоскливо,
Бросая свой угрюмый взгляд,
И мне-то кажется, что шепчет:
«Скажи, в чем я-то виноват?»
Зашла домой, хожу повсюду,
А дома тихо и светло.
А на душе так горько, грустно,
Что не живет сейчас никто.
Пришла, присела потихоньку,
Сидела долго у окна,
И одного только желала,

Чтоб поскорей пришла весна.
И как мне жаль родного дома,
Что не пришлось пожить мне в нем!
Он был не старый, очень крепкий,
Отцы и деды жили в нем.
Сейчас и старость уж подходит,
Но много ли поезжу я?
Погрею душу возле дома
И горе выплачу сполна.

Я прожила честно. Пусть бедно́, но
никого не обидела. ✂

Церковь в Погорельце помогал ремонтировать Иван Михайлович Ружников. Он же восстановил старый «оветный» крест на кладбище: собрал его из двух крестов и поставил еще до того, как церковь заново открыли. Мы пьем чай и разговариваем с его женой Зинаидой Александровной.

Рассказывает Ружникова Зинаида Александровна, 1930 г.р.

Отец умер перед самой войной. В марте помер, в июне началась война. Отец был председателем колхоза «Всходы». Зимой сделалась эпидемия гриппа. Вся деревня наповал лежала. Он председатель, надь работать, надь скота кормить, а он еще пошел на молотилку. Тоже уже побаливал, да еще на барабан сходил, на молотилку. А с барабана пришел, там ведь знашь, сколько грязи летит, пошел в баню. Из бани пришел... Один месяц и болел. В Жердь увезли, а како лечение было... одны банки.

А в семье была я старша. Отец помер, мне 11 лет сполнилось, брату шесть, сестры два года еще не было. Мать с трема осталась. Началась война, вот мне с 12 годов и пришлось трубить. Сразу поехали пахать, надо коней гонять. Лето стало — надь кучи возить. Осень стала — надь на молотилку идти. Зима пошла — по разным работам ходила. В 1944 году поставили на ферму да обряжала быков. 14-ти годов быков надо было обряжать! А коров-то доили на лугу. Надо было фляги носить, одна фляга — 50 литров. Надь было нести через песок в лодку. Каждая доярка несет свою флягу, а ты вставай под каждую флягу. Дак у меня и сейчас хороши отметины на лопатках! Нарывы пошли, а больничного не давали ведь.

Молоко надо было принять да свезти в Березник. С такой же девчонкой, как я. Поехали мы в мае. Вперед-то мы проехали, полны сани — 10 фляг молока. Обратнo-то мы поехали, щербатина-то разлилась. Мы коня

с флягами поставили, пошли в деревню за мужиками. Двое мужчин пришли нас переправлять. На мост-от мы заехали, мост-от сняло, понесло. Каки плахи с грузом были, те не понесло, а каки свободны были — те понесло. Мужики с той стороны нам кричат: «Распрягайте коня да садитесь верхом!» Мы коня распрягли, уселись верхом, а конь-то был худой. И как раз тут где-то канавка оказалась. Конь от выскочил передними ногами, а зада поднять не может. Напарница за хомут дёржится, а я осталась взади и до горла в ледяной воды оказалась. Но коё-как конь выцапался, бедной. Мужики нам кричат: «Бежите пешком в деревню!» Чтоб не замерзнуть. Семь километров надь было пробежать. Прибежали, в конторе председателю сказали, сами отогрелись на ходу. Мужики собрались, поехали с лодкой снимать эти фляги с обратом. Только фляги сняли, мост весь снесло. Так вот 14 годов! А сейчас ходят такие дылды — им и коня не запрягчи, только пиво гнут!

В лес ездила два раза. В 1948 году угнали в Плесецкий район на станцию Шелекса. Полгода там работали. Тоже замирали — ни денег, ни хлеба. Одеть нечего, хлеба не было. Поехали с Каменки на пароходе «Воронеж», трое сутки болтались в море. Нас всех укачало. В Архангельск приехали — я на ногах стоять не могу. Приехали в Шелексу, жили рядом с заключенными. У кого чего было, всё меняли на хлеб. 10 человек жило в небольшой комнаты. Двухъярусные койки, плитка. Придем с работы — сразу кружева вязать. Навяжем — понесем менять. Одна женка, мастер леса, нам на них грибы давала. Я тогда этими грибами отравилась, до сих пор маюсь. С нового 1949 года стали хлеб давать да по восьминке чаю на месяц.

Из леса приехала, два года конюшила. Потом снова в лес поехала по речке Няфты. Опять на полгода. Из леса приехала, завхозом в колхозе 8 лет работала. Потом была дояркой опять 8 годов. После в магазин продавцом отправили — общим собранием в колхозе выбирали продавца. Отработала 15 лет и из магазина ушла на пенсию.

В 1950-х годах стали полегче жить. В 1970-х совсем хорошо зажили.

Всяко нажились. ✂

13 июля. Погорелец

Сегодня решили отдохнуть и переварить впечатления. Можно поспать, можно сделать зарядку с видом на реку. Просторы необозримы. Перед глазами слоеный мезенский пирог. Если

Кимжа. Фотография 2011 г.

сидя на берегу смотреть вдаль и сверху вниз, то видишь следующее:

Небо голубое.

Лес темно-зеленый.

Щелья красная.

Песок желтый.

Река синяя.

Трава светло-зеленая.

Живописцы, окуните ваши кисти!

Ветряные мельницы стоят на краю деревни. Одна из них отремонтирована, можно забраться по лесенке на площадку. Наверху ветер. Погода меняется. Будет дождь. Не дожидаясь дождя, спешим искупаться! Вода в Мезени чистая. Ветер сдувает кровососущих. Красота!

Встречаемся с молодыми (от 40 до 50) жителями деревни. Разговоры о безысходности современной деревенской жизни ведутся на завалинке, на фоне закатной красоты. Речка течет, небо с облаками бежит. И будет течь. И будет бежать.

Выживает тот, кто не унывает. Ни в каких обстоятельствах. Спасает природная внутренняя энергия, любовь к людям. Что, собственно, и есть Бог.

14 июля. Кимжа

Рано утром сели на тот же рейсовый автобус и поехали в Кимжу. Нас довезли до поворота, и два километра пришлось идти пешком до переправы. С переправы попутка докатила нас до деревни.

Я стояла в начале деревенской улицы, где с двух сторон в строгом порядке расположились двухэтажные северные хоромины. Улица уходила вдаль. Деревянный тротуар исчезал за поворотом. Утро было сероватым, что даже гармонировало с серо-коричневым цветом старого дерева. Деревня-музей? Нет, не похоже. В окне одного полуразрушенного дома виднелась козья голова. Мы пошли вдоль улицы. Прошли мимо музея, познакомились с местными жителями. В итоге поселились в гостевом доме у Нины Николаевны

Крест в Кимже, пострадавший от рук вандалов
Фотография В. Близнака

Селивановой. Не деревня, но дом оказался музеем. У бывшего хозяина были золотые руки, и все вещи в доме об этом не просто говорили — пели.

По селу нас водила директор Мезенского музея Люба Крушцова, родившаяся в Кимже. Она провела экскурсию по дому-музею Политова, показала местную школу с ткацкой и гончарной мастерской. Сходили на старое кладбище (их тут три), залезли на отремонтированную усилиями местных жителей ветряную мельницу. А потом пошли в гости к Антониде Андреевне Окуловой, отметившей накануне свой юбилей.

Рассказывает Окулова Антониде Андреевна, 1926 г.р.

В 1945 г. меня отправили на путину в Бело море камбалу ловить. На кабресе на Яжемский Нос.

Шли на парусах, весла-те еле поднимали. Два паруса было, один большой и один маленький в корме. На двух ветрах можно было ходить. Три мужчины и две девушки. Один из мужиков — дедушка Василий — 40 путей¹³ выходил. А за старшего дедко был Рассолов, дедушка

¹³ Путь — путина.

Герасим, так он 60 путей выходил! И сын его Сапа Рассолов. Он и сейчас жив, в Архангельске живет. Подруга моя Нюрка и я.

Поветерь была, быстро дошли, чуть не за сутки. Уехали весной, только река вскрылась. И жили до осени на малой Боровой тоне. Там маленькая часовенка стояла, в ней иконки. В часовне молились, когда на тоню приходили, и когда в море уходили.

Еще дома в Печицах сетки отремонтировали, рюжи направили, колья нарубили для крыльев. Туда приехали, рюжи наставили в рёмжу¹⁴ и жили весь сезон. Семь рюж было. Карбас рыбы наловим, нас оставят на тоне рыбу чистить, а мужики уходили на Мезень рыбу сдавать. Рыбу сдают, закупят соли, продуктов и назад.

Когда мужики в Мезень уходили, мы рюжи проверяли. И вот как-то раз я пошла рюжи проверять. С дальней начала. Одну рюжу вытряхла, много рыбы попало. Эту рыбу я в другу лодку стащила — там еще с Погорельца были рыбаки. А самой надо в свою лодку идти, дальше. Бежать надо по песку. Вроде лодка и близко, только по дороге — пять рёжм. Одну перешла, другу перешла, и вода пришла. Как вал катится. Всё ближе и ближе. Первы-то две рёжмы хорошо прошла, третья — выше коленей, к четвертой подошла — не знаю как одолела. Песок крупный, ноги все исколола. Прибежала к пятой, а лодка на другой стороне рёжмы стоит. Я хорошо плавать умела, пала в эту рёжму-то — и вплавь. А они рёвут на лодке-то, весло дёржут, чтобы меня поймать. И спихаться с берега-то не могут: рыбой нагружена лодка, да и обсохла на той стороне. Я за весло-то захватилась, меня вытянули в лодку — едва руки оторвали от весла. Занесло бы в рюжу — и всё. Тут и им бы не достать, и мне не выбраться. В лодке уже очучилась — давай рыбу чистить. Вода еще пришла, лодку стопило, и мы и поплыли потихоньку.

Камбалу из рюж загружали в кузова. Берег скользкий, глинистой. До колен грязи. Потом чистили, мыли. Мужики ее потом сольят, а мы обед готовим. На камбалы и жили весь сезон, уху варили. Тюлень в рюжу заплыл — сала много было. На этом сале колобы пекли. Мелку рыбу в печке сушили. В избе русская печь была. В праздники в море не выезжали. Дедко все праздники знал.

Обратно шли, чуть не утонули. Страшно так было! Выходили на ночь по большой воде. Вода прибыла, помолились. В карбас сели и поехали.

¹⁴ Рёмжа — место, где стоит рюжа. Это слияние нескольких ручьев в одну большую протоку. В ручьях — глина, морской червь и ракушки. Поэтому камбала идет по этим ручьям.

Качка началась! Ветер с приливом. Сначала Сапа к рулю сел, а потом отец ему кричит: «Неправильно!» Сел на его место, компас в руку. Сидит на корме — в одной руке компас, в другой — руль. А мы с Нюркой его за ноги держим, чтобы его с кормы не свхостнуло. Одной рукой за ногу держали, а другой рукой помпой воду откачивали. Карбас разохся, пока на берегу стоял. В море вышли, вода чистая, карбас потек. Сначала паруса высоко подняли, а потом Сапа их опустил. Сидишь в карбасе, а волна над тобой нависает! Дедко и говорит: «Ну, девки, наверно, это мой роковой путь!» Мы испугались, сидим, плачем. Молимся да плачем! Договорились с Нюркой — будем тонуть — захватимся вместе.

До Семжи дошли, там уж вода стала грязна, карбас у нас запечатало грязью, течь уменьшилась. Ветер стих. Я завет положила, — больше в море не пойду! ❀

Посоветовали нам поговорить с Михаилом Васильевичем Сафоновым, да дома его не оказалось. Щенок, привязанный на веревочку у будки, посмотрел на нас заинтересованно, но когда понял, что кормить не собираемся, огорчился и куда делся хозяин не сказал.

Уже вечером побывали на репетиции местного хора. Хор — десяток женщин 40–60 лет. Интересно, что когда поют эстрадные или новые песни, часто фальшивят, вялят, сбиваются. Как только наступает черед своего, прорезается истинный голос, громкость и уверенность увеличиваются в разы. Традиция сохраняет естество, а чужеродное — корёжит и фальшивит.

15 июля. Кимжа

С утра пробуем снова застать дома Михаила Васильевича. На этот раз удаётся.

Рассказывает Сафонов Михаил Васильевич, 1930 г.р.

Мать умерла, когда мне было 14 лет. С бабушкой, дедкой выростал-то. И я на конном дворе за лошадьми ухаживал. У меня 17 лошадей было.

Школу здесь кончал, 4 класса. Мать умерла, так всё бросил. Пошел в повара на сенокос, меня варить взяли. Девушки сено косили, старик косы отбивал, а я обед варил.

Всяки года были. Было холодно и было голодно. Не хватало ни картошки, ни ячменя. А во время войны нажились, конечно, всяко. Мы с матерью сушили дерн с полей. Этот дерн был лучше моху, ели его. Сначала промоют, высушат на улице, потом сушат в печках на листах железных.

Одигитриевская церковь в с. Кимжа 1709 г.
(в настоящее время разобрана)

Фотография В. Близнака

В деревянной ступе его вытолкёшь, а потом молоти на жерновах. И если есть немножко муки житной, то хоть проглотнуть можно. А если еще молоко было, то размешивали в молоке и ели.

Рыбаки из бригады домой едут, так их обыскивают, рыбу отбирают. Им паек давали: немного муки, сахара. А старики сети ставили, неводили: детей кормили и сами кормились.

Зимой во время войны совсем тяжело было. Коней ячменем кормили. Они ячмень едят, насолят. У лошади зерно и сквозь идет. Потом-то навоз в сторону отгребают. Так вот этот навоз конный старухи промывали на речке на респатах. Это зерно молоти и мешали с дерном.

Я на Канин в 1972-1973 годах ходил на камбалу с дядей Алексеем. Сначала под парусом ходили. Потом появились моторы «топ-нога». Но парус всегда был: мало ли что — парусок раздерешь — и по ветру. На больших карбасах было два паруса. Карбаса здесь старики делали.

Как-то раз когда мы с дядей Алексеем на малом карбасе поплыли на Канин, ветер задул. Но мы сумели в речку Мглу зайти. И деревня Мгла называлась. Старухи там смотрят, видят парусок на волнах, а мотор-от не работает. Они подумали, какие-то крещёны потонули, а парусок полощет.

Потом мы в деревню зашли, они кинулись: «Слава Богу, Алексей Александрович, вы живые!» Сутки в деревне простояли, море успокоилось и пошли дальше.

Другой раз нас тоже шторм прихватил около Олеховской речки, 50 километров от Малой Боровой. Дедко плохо руль закрепил, и он у нас на волны выскочил, руль-от из гнезда (башмака). Только весла были. Потом придумали, доску каку-то привязали, чтобы маленько управление держать. Под волну-то подвернёт и всё — потонёшь. Мне петлей ноги обвязали, и я решил руль найти, он же у днища где-то на петлях болтался. Так нашёл! Вставили на место!

Около рюжи в рёмже ставили длинный пест с березовым веником на конце. Эту мачту уже видно, когда едем рюжу проверять на лодке. К одной рюже ставили, а от нее уже остальные было видно. Погода хороша — камбалы в берегу нет, на варево не хватало. Когда запад шторманет — камбала будет. Только западок. Юго-западный — шелонник — на море разбойник. Как налетит, так ой-ой-ой. Тот раскachat.

Дедко перед выходом молился у своих икон и мне скажет: «Перекрестись!» Перекрестись три раза и пойдешь.

Как-то, уже в 1970-е, большой крест за Бором у реки выгнил, пал. Старухи-ти попросили помочь крест поднять. Я на тракторе, веревкой его обвязали, и потихоньку подняли. Стойки новы деревянные закопали и его поставили по компасу на восток. На кресте Иисус Христос вырезан, молитвы всякие. А Иисуса изрубили наши же.

Мне 8 или 9 годов было. Из Лешуконья плитки¹⁵ с лесом пригнали. Наши мужики этот лес в штабеля на берегу укладывали, аккуратно рядом с крестом. Мишка Архипов (у него дедка Архипом звали) как раз на работу пошел, кушаком подшо-ясанный, за кушаком топор. Он на нижнюю перекладину креста встал и отрубил Иисусу голову. Голова в сторону отлетела, и другие мужики ее ушвырнули в реку. Ей немного отнесло, но к берегу прибило. А мы прибежали домой да и старухам сказали, что дяденька Михаил голову у Христа отрубил, да и руки вырубил все. От дураки-то! А у нас был старик, жил двоима со старухой, детей не было, Александр Максимович. Он пришел на берег, нашел голову и принес домой. А он был столяр, у него клей был или еще чего. И он голову приклеил. И вот до сих пор крест так и стоит. В войну Мишка Архипов на мины подорвался, одны куски мяса только взлетели.

В колхозе я всю жизнь отработал на всех специальностях: был заведующим фермой и бригадиром, и пилорамщиком, и трактористом. 430-450 гектар в колхозе было, ни одного клочка нету, чтобы я на нем не работал.

Работали так напряженно из-за родителей, я считаю. Ведь с малых лет приучали. Если родители пошли на поле, то и тебя сзади тянут. Мне шесть годов, меня уже на лошадь сядят кучи возить к стогу. Зароды метали. С детства привыкали к работе.

Кто деревню поднимет? Молодежь работать не хочет. Все уезжают. В Кильце 12 дворов осталось вместо 50-ти. В Городке тоже не больше. Какую рожь выращивали! ✂

Сегодня наша маленькая экспедиция заканчивается. Вечерней маршруткой едем в Архангельск. Что я увожу с собой? Речные просторы. Просторы человеческих судеб. Простор Божьего Промысла.

Рапенкова
Светлана Владимировна

Художественный редактор альманаха «Соловецкое море». Постоянный участник этнографических экспедиций Товарищества Северного Мореходства по Архангельской области.

¹⁵ Плитка — лес, увязанный в плот.